

Текст: Петр Базанов, доктор исторических наук, ведущий рубрики «Дневники Родины»

Отрывки из личных дневников и мемуаров, посвященные СМЕРТИ И.В. Сталина, — очень разные. Сожаление от ухода человека, ужас от СМЕРТИ БОЖЕСТВА, ОБЛЕГЧЕНИЕ...

СТИЛИСТИКА И ОРФОГРАФИЯ ОРИГИНАЛОВ СОХРАНЕНЫ.

«КТО-ТО СИЛЬНЫЙ ПОВЕРНУЛ КАЛЕЙДОСКОП ЖИЗНИ...»

МАРТОВСКИЕ ДНИ 1953 ГОДА В ДНЕВНИКАХ И МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

М

Михаил Пришвин
(1873–1954),
писатель, дневники
вел почти 50 лет¹
6 марта

Вчера в 9.50 вечера скончался Сталин. Сегодня в 6 утра из «Литературной газеты» меня известили и заказали статью к 10 утра. В жизни своей ничего такого не писал, но приходится...

Великие люди умирают так же, как и маленькие, мы насмотрелись на это все с малолетства. И еще в этом необходимом жизненном событии каждого человека мы должны отметить, что действительно великому человеку, отдавшему жизнь свою за людей, самому умереть много легче: он-то свою жизнь уже отдал. Но близким людям остаться без него труднее.

Так вот теперь мы остаемся с этой мыслью... впервые одни. Мы теперь одни! И вот, когда мы остаемся одни, то впервые дела великого человека в нашей душе начинают соединяться в единый и великий долг. Так уже

сейчас дело борьбы за мир во всем мире совершенно сливается с тем, что наш великий товарищ назвал преобразованием природы. После кончины т. Сталина как борьба за мир во всем мире, так, конечно, и преобразование природной стихии в человеческое добро (отняли у нас Сталина) становится нашим общим душевным делом. Нет с нами т. Сталина, мы должны все теперь делать сами.

**Сергей Дмитриев (1906–1991),
историк, профессор МГУ²**

7 марта

Вечером приехал Игорь и рассказал, что колоссальная очередь вытянулась к 7 ч вечера уже за Белорусский вокзал. Милиция будто бы не знала, куда устанавливать сказочно быстро удлинившийся хвост очереди желающих пройти перед гробом. Рассказывали, что будто бы были и несчастные случаи, задавили какого-то ребенка. Женщин с грудными детьми пропускали, кажется, без очереди. Было довольно морозно, к вечеру — 11–12°, а утром 7/III даже понизилась температура до -18°, и стоял густой туман.

Неожиданность и кинематографическая быстрота всего события поразительны. Утром в среду 4 марта страна впервые услышала о болезни И.В. Сталина, а на следующий день вечером он уже умер, а утром 6 марта в пятницу объявлено его смерти. В тот же день гроб с телом уже стоял в Колонном зале Дома Союзов. Три дня — все изменилось. И все еще изменяется, причем впечатление такое, что и сейчас (пишу это в час дня 7 марта в субботу) идут и идут одни за другими, почти непрерывно какие-то сдвиги, смещения, перемены.

11 марта

Наконец опять пошла для меня обычная жизнь — интриги, защита диссертаций... За эту неделю кто-то сильный неоднократно повернул калейдоскоп жизни, обычно малоподвижный: при-

ложишь глаз и все то же виденное сочетание снова видишь: фу, опять ничего! Но рука истории потрудилась эту неделю, поворачивала калейдоскоп.

15 марта

Услышал о смерти композитора С.С. Прокофьева³. Умер он, кажется, в день кончины И.В. Сталина, т. е. 5 марта 1953 г. В связи с этим в печати не было ничего упомянуто о смерти Прокофьева. Композитор был яркий, имел свое лицо в музыке. Именно потому его обычно замалчивали или ругали.

**Михаил Ромм (1901–1971),
режиссер и сценарист, лауреат пяти
Сталинских премий**

На улицах миллион народа. Масса погибших в давке — все это знают. Растерянная Наташка. В доме растерянность. Только отчетливо помню: сознанием я понимал — слава богу, может быть, будет легче! Может быть, уцелем.

А сердце как-то не мирилось, потому что в то же время я сердцем как-то верил в Сталина. Помню, Леля⁴ меня ночью спрашивает, глаза широко открыты:

— Роммочка, что же с нами будет?

Я ей говорю:

— Леля, хуже не будет... хуже не будет. — Говорю, и сам не верю⁵.

**Илья Эренбург (1891–1967) —
писатель и журналист⁶**

Помню, как ехал в Москву. Было много снега. В сутробах тонули детишки. В голове вертелись слова: «Товарищ Сталин потерял сознание». Я хотел задуматься: что теперь будет со всеми нами? Но думать я не мог. Я испытывал то, что тогда, наверное, переживали многие мои соотечественники: оцепенение.

«В девять часов пятьдесят минут вечера...»

¹

Девочка возлагает цветы к гробу с телом вождя.

²

Участники церемонии прощания с И.В. Сталиным на его родине — в городе Гори. Панорама

Медицинское заключение говорило о лейкоцитах, о коллапсе, о мерцательной аритмии. А мы давно забыли, что Сталин — человек. Он превратился во всемогущего и таинственного бога. И вот бог умер от кровоизлияния в мозг. Это казалось невероятным.

Дом, в котором я живу, находится в переулке между улицами Горького и Пушкина. Для того чтобы пройти на одну из этих улиц, нужно было разрешение офицера милиции, долгие объяснения, документы. Огромные грузовики преграждали путь, и, если офицер разрешал, я взбирался на грузовик, спрыгивал с него, а через пятьдесят шагов меня останавливали, и все начиналось сначала.

Траурный митинг писателей состоялся в Театре киноактера на улице Воровского. Все было подавлено, растеряно, говорили сбивчиво, как будто это не опытные литераторы, а математики или землекопы, впервые выступающие на собрании. Ораторов было много. Я тоже говорил, не помню что, наверно, то, что и другие: «выиграл войну... отстаивал мир... ушел... скорбим... клянемся...».

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГОВОРИЛО О ЛЕЙКОЦИТАХ, О КОЛЛАПСЕ. А МЫ ДАВНО ЗАБЫЛИ, ЧТО СТАЛИН — ЧЕЛОВЕК. ОН ПРЕВРАТИЛСЯ ВО ВСЕМОГУЩЕГО И ТАИНСТВЕННОГО БОГА

На следующий день нас повезли в Колонный зал. Я стоял с писателями в почетном карауле. Сталин лежал набальзамированный, торжественный — без следов того, о чем говорили медики, а с цветами и звездами. Люди проходили мимо, многие плакали, женщины подымали детей, траурная музыка смешивалась с рыданиями.

Плачущих я видел и на улицах. Порой раздавались крики: люди рвались к Колонному залу. Рассказывали о задавленных на Трубной площади. Привезли отряды милиции из Ленинграда. Нас думают, чтобы история знала такие похороны.

Мне не было жалко бога, который скончался от инсульта в возрасте семидесяти трех лет, как будто он не бог, а обыкновенный смертный; но я испытывал страх: что теперь будет?.. Я боялся худшего. Культ личности не сделал из меня верующего, но он повлиял на мои оценки; я связывал будущее страны с тем, что ежедневно в течение двадцати лет именовалось «мудростью гениального вождя».

**Светлана Аллилуева (1926–2011),
дочь И.В. Сталина***

...Отец был без сознания, как констатировали врачи. Инсульт был очень сильный; речь была потеряна, правая половина тела парализована. Несколько раз он открывал глаза — взгляд был затуманен, кто знает, узнавал ли он кого-нибудь. Тогда все кидались к нему, стараясь уловить слово или хотя бы желание в глазах. Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня — вридли он видел. Я поцеловала его и поцеловала руку; больше мне уже ничего не оставалось.

Как странно, в эти дни болезни, в те часы, когда передо мною лежало уже лишь тело, а душа отлетела от него, в последние дни прощания в Колонном зале — я любила отца сильнее и нежнее, чем за всю свою жизнь. Он был очень далек от меня, от нас, детей, от всех своих близких.

...Отец умирал страшно и трудно. И это была первая — и единственная пока что — смерть, которую я видела. Бог дает легкую смерть праведникам...

Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Смерть была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось — очевидно в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед неизвестными лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял вдруг вверх левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В сле-

дующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела.

...Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик; через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут — не знаю сколько, — кажется, что долго.

Потом члены правительства устремились к выходу, надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить друг против друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня, — скорбь и облегчение...

...Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщики, садовники — все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слезы как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача. А я-то, каменная, сидела, стояла, смотрела, и хоть бы слезинка выкатилась... И уйти не могла, а все смотрела, смотрела, оторваться не могла.

Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» — генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо и никогда не получали отказа.

Никто здесь не считал его ни богом, ни сверхчеловеком, ни гением, ни злодеем, — его любили и уважали за самые обыкновенные человеческие качества, о которых прислуга судит всегда безошибочно.

...И тело увезли. Подъехал белый автомобиль к самым дверям дачи — все вышли. Сняли шапки и те, кто стоял на улице, у крыльца. Я стояла в дверях, кто-то накинул на меня пальто, меня всю колотило. Кто-то обнял за плечи — это оказался Н. А. Булганин. Машина захлопнула двери и поехала. Я утонула в груди Николая Александровича и, наконец, разревелась. Он тоже плакал и гладил меня по голове.

*3
Москвичи
в Колонном зале
Дома Союзов.
6 марта 1953 год.

¹ Придан М.М. Дневник. 1952-1954. / Подгот. текста Я.З. Гринштейн, Л.А. Рязановой; коммент. Я.З. Гринштейн. СПб.: Росток, 2017. С. 304

² Из дневников историка СС Дмитриева / Публ. и комм. В.Г. Зайонцовой // Отечественная история. 1999. № 5. С. 144, 145.

³ Сергей Сергеевич Про-

кофьев (1891-1953) знаменитый русский композитор, умер 5 марта из-за похорон Сталина о его смерти фактически не было объявлено.

⁴ Жена Елена Александровна Кузьмина (1909-1979) — киноактриса, народная артистка РСФСР, лауреат трех Сталинских премий.

⁵ Роман Михаил Ильич Устинов

рассказы. М.: Книгоцентр, 1988. 188 с. Аудиокассеты https://www.youtube.com/watch?v=bp88bRXB-6&ab_channel=

⁶ Зренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. В 3-х томах. М.: Текст, 2005

⁷ Аллилуева С.И. Двадцать летем и другу. NY: Evanson: Harper & Row, Corp. 1967. 216 с.